

Екатерина Федорова – профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор культурологии, к.ф.н., научный куратор ГБОУ ДМШ имени С.И. Танеева.

Ольга Соколова – художник, член Творческого союза художников России, Союза художников народного искусства, действительный член Академии Народного Искусства.

Лаконичность жанра и выразительность текстов

Говорят, что если живопись можно перетолковать словами, значит, в ней недостаёт чего-то живописного. Но есть жанр, где живописная и словесная составляющая нуждаются друг в друге, притягиваются и взаимно обогащают произведение. И оба равноправно несут художественную функцию, а не только пояснительную. Это жанр лубка. Что скажете об этом? Как и когда Вам пришло в голову работать в этом красочном и экспрессивном жанре?

Мне лубочные картины нравятся давно, я к ним пришла, ещё учась в Московской художественно-промышленной академии имени Строганова. В то время – это был конец 80-х годов – меня учили проектировать интерьеры, выставки. Мало, что из замыслов можно было воплотить и реально построить. А мне захотелось чего-то большего, чем анодированный алюминий. И я обратилась к жанру лубочных картинок, потому что они меня потрясли лаконичностью образов и выразительностью текстов. Я увидела их в музеях, мне попались на глаза некоторые листы из собрания Дмитрия Ровинского «Русские народные картинки». Я увлеклась, стала изучать, купила книги по истории лубка. Сначала я копировала листы – мне хотелось понять пластический язык и овладеть им. А потом я почувствовала, что могу плыть сама по себе, оттолкнувшись, как лодка от берега. Занимаюсь лубком 35 лет.



*Чествование князя
Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского».
Худ. О.Соколова. Холст. Акрил. 60х60см. 2019*

Предмет, слово и образ

Я считаю, что текст не только равноправен, но иногда бывает главнее изображения. Смотря каков сюжет и тема картины. Мне, например, сейчас интересно, как складывалась история фейерверков в России. Вникаю в описание фигур, материалов.

А ещё раньше, до изобретения фейерверков, пускали зажигательные стрелы. И для меня было открытием, что в смолу добавлялось святое масло – бенедиктум. И бывает, остро заинтересовывают такие материальные подробности. А иногда, напротив, одно слово или рассказ вдохновляют написать картину.



Фейерверк с Купидоном



Рождественская ночь

Однажды в Третьяковке я зашла в книжный отдел – мне попала книга, в которой было воспроизведено сербское народное предание о том, как праздновалась Рождественская ночь. Я прочитала всё, пока ещё ехала в метро. А оказавшись дома, уже полностью была в плену замысла: тотчас стала делать эскизы, написала картину. И она до сих пор мне нравится.

Небесные розы – земной снег

На Рождество в полночь, – рассказывалось там, – надо выйти к перекрёстку и поднять глаза к небу. Праведные люди увидят, как открываются небеса и виден рай с яблонями, на которых золотые яблоки. А Заря выводит Солнце. Солнце я изобразила как прекрасного князя. Заря усыпает ему дорогу розами и золотыми монетами. И эти розы и монеты, падая на землю, превращаются в снег. Праведные всё это видят, а неправедные на небе не видят ничего, кроме темноты, ну и звёзд – в лучшем случае. Внизу, на земле я написала несколько людей, и среди них – молодая пара. Юноша держит в руках розу, ибо они так любят друг друга, что небесная роза не превратилась в земной снег, оставшись розой.

Будни и праздники

Выходит, Вы «художественная билингва»: литература – часть Вашего творчества.

Конечно, слово для меня значимо. Я очень много читаю. Стараюсь в книгах найти описания исторических праздников. Ведь будни всем хорошо известны. А меня интересует, как люди праздновали – в X веке, в XIII, в XV. Сейчас меня интересует XVIII век – зарождение балета, история русского театра. Я и театральный художник, в качестве сценографа поставила двадцать спектаклей. Театр мне близок, и сейчас мне хочется писать картины, связанные с историей театра.

Меня вдохновили

К каким литературным источникам Вы обращались?

К этнографической и мемуарной литературе. Считаю, что в своё время меня очень вдохновили такие книги: «Поэтические воззрения славян на природу» Александра Афанасьева, «Русский народ.



Зажигательные стрелы



Царица вод и цветок русалок

Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», собранные Михаилом Забылиным, «Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» Аполлона Коринфского. Было прочитано и пересмотрено очень много документальных фильмов, куплено и прослушано записей народных песен, былин, народных театральных сценок, я уж не говорю про сами лубочные картинки с их потрясающими текстами из собрания Дмитрия Ровинского.

Сейчас читаю сочинение барона Филиппа Вигеля «Светская жизнь Российской империи», изучаю труды мемуариста, мастера фейерверков XVIII века Якоба Штелина. Из современных авторов с большим интересом читаю книги Людмилы Стариковой по истории русского театра времён Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны.

Откуда стихотворные цитаты, которые Вы славянской вязью вставляете в картины?

Тексты, которые я подбираю для моих картин, как правило, подлинные, из старинных книг или из современных с репринтными текстами. Это песни, былины, сказки, предания, всяческие описания.

Сейчас читаю и цитирую Александра Сумарокова, Василия Тредьяковского, поскольку интересует XVIII век. А когда речь заходит о древних временах, мне приходится и описание праздника, его реконструкция, и тексты народных песен и былин.

Стилизация народного искусства в Серебряном веке

Бывало ли, чтобы Вы использовали тексты XIX века, Серебряного века?

Мне однажды пришло в голову написать серию картин «История цветов». А по тематике и предполагаемым линиям – это Серебряный век в чистом виде. Я написала пока одну – «Царица вод и цветок русалок». Среди кувшинок-водяных лилий – Русалка – Царица вод в зелёно-голубоватой гамме и в тёмном золоте. И здесь я вписала текст конца XIX века.

Ваш лубок изысканный, как бы пропущенный сквозь призму глубокого знания стилей разных эпох. Мне кажется, Вы стилизуете разные эпохи, как это делали в Серебряном веке. У меня сложилось впечатление, что Вы очень много взяли от этого времени. Это так?

Некоторые искусствоведы мне говорили, что чувствуются отзвуки «Мира искусства». Мне близко



Тайны Летнего сада



Зеленый балет

и то, что создавалось в художественном центре Талашкино, который организовала и спонсировала меценатка княгиня Тенишева. И керамические опыты Врубеля в Абрамцево. Стилизация народного стиля в Серебряном веке для меня волнующая тема. Иногда хочется показать в картине своё переосмысление. Однако когда я писала, например, как праздновались Святки, то писала как получалось, вне стилизации.

Мне показалось, что у Вас есть аллюзии на Ивана Билибина и Виктора Васнецова?

Откажусь. Поскольку я обращалась к источникам подлинного рисованного лубка. И они обращались. Мы шли своими путями. Мне была бы неинтересна «цитата из цитаты». – А также Билибин – не первооткрыватель в стилизации лубка. Хотя мне очень нравится, как он оформлял книги, меня удивила и порадовала другая сторона Билибина: на выставке в Царицыно я увидела его графические пейзажи. Блестящий рисунок растений, сосен.

**В картине мне не нужно много цветов...
если поместить все, которые нравятся, – они поубивают друг друга**

Я думаю, что рисованный лубок – рядом с иконописью. В нём много золота, которое мне всегда хочется употребить. Много красного цвета. Есть синий, но меньше. У меня много работ в голубовато-синей глубокой холодной гамме. Или: тона тёплые, красные, охристые. В лубке не так много цветов. Но и мне не нужно много цветов. В картине я использую обычно три-четыре цвета, плюс золото, и ещё – несколько оттенков одного какого-то цвета. Когда много цветов – получается каша. Мы знаем из теории цветоведения, что смешение многих цветов приводит к серому цвету.

То есть если в картину поместить все цвета, которые нравятся, – они поубивают друг друга.

Цветовая гамма картины задумывается, но иногда получается не такая, как хотелось изначально. Я так долго пишу, что у меня есть возможность проанализировать своё творчество, посмотреть его по цветам. В ранних работах – на чёрном фоне – красные, жёлтые, зелёные цвета. Затем была серия красных картин. Потом пошёл ряд серых, сложных по цвету картин, пастельных и приглушённых. Несколько лет. Я не хотела таких спокойных по цвету работ и страдала оттого, что так получается. Цвета как будто сами диктовали. Сейчас много ярких картин с густой синевой и с глубокими зелёными красками.

У меня с картинами тесная связь, но потом я их отпускаю...

Некоторые и потом мне очень нравятся. У меня с ними тесная связь, как будто это мои дети. Не отпускают. А потом они уже состоялись. отошли от меня. И тогда уже я их отпускаю. Впоследствии смотрю на них как посторонний зритель. А иногда длительное время не могу отпустить. Мне хочется ещё что-то поправить, ещё что-то... И чувствую, что переборщила – обратно возвращаю. Работа над картиной иногда длится не год и не два. Больше. Я нечто задумываю. Замысел настаивается. Делаю зарисовки – такие маленькие, что их даже нельзя выставлять на выставках. Мне удобен такой формат. Потому что главная задача – решить работу композиционно. А детали я отрисовываю непосредственно на холсте. А потом я пишу красками. И только затем наношу сверху графику. И графика их немножечко собирает, придаёт законченность и лубочность.



Снегурочка

Эти Ваши романы с цветом, влюблённость то в один, то в другой, не заканчиваются ли на какой-то момент отчуждением от того или другого?

Нет. Я просто замечаю за собой, что в картине оказывается, например, зелёного больше, чем надо. Я недавно написала «Тайны Летнего сада». Мне захотелось передать ощущение тайны в глубоком тёмно-зелёном цвете. И что, оказалось, в картину попало? Терракотовый и песочный. Вдруг почувствовалось, что от обилия зелени темно и грустно, ночь, захотелось добавить яркости.

К каким художникам содержатся отсылки в Ваших произведениях? Каких Вы особенно любите?

Мне очень нравится Лев Бакст как театральный художник. И когда-то он стал для меня настоящим открытием. Потому что у него такая экспрессия, такая динамика, такая свобода! Я бы сказала, свобода мысли.

И у Никиты Дмитриевича это любимый театральный художник, мне кажется.

Среди самых любимых художников на первом месте у меня Константин Коровин. По гениальной недосказанности в произведениях. И по отношению к жизни. Я читала его воспоминания, которые меня потрясли. Помимо его внешней живописной привлекательности, он как личность неизменно производит на меня сильное впечатление. Когда его в 1900 году пригласили работать в Большой театр, ему кто-то подсыпал соль в краски, чтобы они не засыхали, а он не мог закончить работу. Коровин столкнулся с этим – констатирует как факт, но не даёт оценки. Идёт дальше. Вот это по-нашему! Очень запомнилось, как дружили они с Серовым, как ездили в деревню, как тосковал он по России, как писал для своего сына рассказы о родине, когда тому было плохо...

Замысел и исполнение

Как обычно вы работаете, как заставляете своё воображение формировать замысел? Вы говорили, что несколько дней ходите по квартире, думаете.

Это не несколько дней, этот процесс иногда занимает месяцы. Сначала – зарисовки. Потом начи-



Торгованы



Игра в мельника

наю интересоваться темой в целом. Например, меня захватили женщины-императрицы, их характер, судьба. Я даже полюбила Анну Иоанновну. Хотя о ней пишут как о «кровавой Анне», подчёркивают непрезентабельную роль Бирона, описывают дикие нравы. Но Анна Иоанновна – это человек, который обратился к Саксонскому двору, написав королю письмо с просьбой прислать итальянских актёров в Россию – ведь их так много у него при дворе! За одно то, что она хотела организовать театральные представления в России и сделала это, работала над этим, – ей большое спасибо. И когда я читала описание Людмилы Стариковой «Театральная жизнь в эпоху Анны Иоанновны», как актёры едут в Россию – у меня уже сложился в голове образ. Мне для картины важны выразительные исторические детали: как собирали труппу, как готовили к отъезду, как договор составляли. Оказывается, от ужаса перед неведомой страной актёры назначили цену вдвое больше, чем обычно. А императрица написала, что, мол, дайте им, что просят – если не боятся, пусть приезжают. А за ними были посланы курьеры и актёр, уже служивший в России. И вот он поехал впереди всех. И у него-то в дороге украли сундуки с декорациями и костюмами. А когда приехали – театр оказался недостроенным. И я представила себе живые события и характеры, с их положительными и негативными сторонами.

Ощущение нашей огромной истории

Судя по Вашей образности в речи я бы предположила, что Вы пишете литературные произведения?

Нет.

Тексты в картинах удовлетворяют Ваше литературное дарование?

Я не считаю, что у меня есть литературное дарование. Я не всегда могу рассказать, что чувствую. А в картинах чувства проявляются через образы. Тексты же поддерживают эмоции. И тексты иногда ведущие. Ведь это ощущение нашей огромной истории, которое даётся человеку при рождении. Вот он родился. Вздохнул. И все события, люди, плохое и хорошее, погода и архитектура, взаимоотношения – всё прошлое он получает как дар при рождении. Потом этим даром кто-то пользуется во всём объёме, кто-то частично, а кто-то вовсе нет. Как передать ощущение истории? Это и сказки. Текст сказки я часто умудряюсь вписать в картину по периметру. Или клейма делаю, чтобы вся сказка поместилась. И мне нравится взять сказку в наиболее древнем варианте.

Наименее обработанный фольклорный вариант, дикий? Потому что если сказки записаны честными фольклористами так, как рассказаны, они производят впечатление немного дикое, не могу найти другого слова. Перводанное.

Да. Это колоритные тексты, встречаются забытые слова, старинные выражения.

На Вашем сайте четко указаны Ваши темы: Праздники, Фейерверки, Московские истории, Голантский век, Сказки. Как выстроились Ваши картины в циклы?

Геометрическая прогрессия открытий в сказках

Из интереса к лубочным картинкам – именно так надо сказать: картинкам, – возник интерес к истории. И в истории появились любимые темы. Погружение началось с описания народных праздников. Это было связано с тем, что у меня родился первый ребенок, дочь. Жизнь была сложной, было столько бытовых хлопот, что я заставляла себя думать о прекрасном, чтобы не потонуть в быте. Я не очень умею заниматься бытом, и стараюсь делать всё так, чтобы он проходил мимо. Но это обязательная часть жизненной программы. Я старалась её выполнить побыстрее и компенсировала себе тем, что жила в своих сказочно-цветовых фантазиях. А в сказках – чем больше узнаёшь, тем больше открывается. Одну дверь откроешь – а за ней обнаруживается ещё три. А за теми – ещё три. Геометрическая прогрессия открытий в сказках: сюда вовлекаются исторические, этнографические факты. У меня была в 1996 году персональная выставка в Центральном доме художника – я выставила серию картин «Святочные вечера». Перед этим ходила в Ленинскую библиотеку, меня пускали в запасники, давали смотреть диафильмы редких изданий. А сегодня, когда я открываю новую тему, у меня дома собралась такая большая библиотека, среди книг которой много старинных, что дай Бог эти осилить. Иногда бывает, что в какой-то книге для меня столько информации, что пока её осознаешь, переработает, проходит несколько лет.

Если читать по-настоящему, а не скользить...

Да. Вот, например, картина «Торгованы» – это обычай на Святки, игра: в избу приходили *торгованы* – молодые, ряженые в купцов, будто бы продававших ткани. Как только они заходили в избу – все понимали, что надо прятаться от них. Потому что каждому они назначали купить то 5 метров ткани, то 10, отмеряя метры ударами розги. Кто-то бежит, кто-то укрывается, а бабуся лежит наверху на полотах и смотрит, как эта игра происходит. Вот такая картина.

Или у меня есть картина «Игра в мельника». Ряженые приносят «муку» в больших мешках – входят в дом и вываливают снег на пол. А окружающие кидаются этот снег собирать, пока не растаял.

Меня потрясли в своё время росписи на северных избах – и я тоже вставила этот мотив в картину. Каждым моим открытием я стараюсь поделиться в картинах. Поэтому они получаются такими разными.

Но уж платьев-то себе понашивала!

Мне интересны подробные описания, как жили люди московские. Например, сохранился коронационный альбом Елизаветы Петровны. Есть описание, как она ехала по улицам Москвы, как её встречали и на балконы вешали ковры – для красоты. С тем же обычаем столкнулась на острове Корфу – на праздник Святого Спиридона так же вешали ковры, ещё лепестки цветов бросали. Я Елизавету Петровну тоже очень люблю. И вот получилось «Платье Елизаветы». По легенде после неё осталось 15 тысяч платьев. И вплоть до эпохи императора Александра I в русском театре в этих платьях игрались представления. Надо вспомнить, что Елизавета Петровна была рождена до венчания Петра I с Екатериной I и по тем понятиям – незаконная дочь. Из-за этого её и замуж не хотели брать. У неё было много причин для огорчений. И вот это для меня очень человеческое: занималась ли, не занималась ли она государственными вопросами, став императрицей, – но уж платьев-то себе



Платье Елизаветы

Залп в честь Лобанова-Ростовского

Поговорим о картине «Чествование Князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского». Вы говорите, что порой на картину у Вас уходит несколько лет, пока она отстаетается, настаивается... А вот Никиту Дмитриевича Вы написали мгновенно. Почему?

Некоторые картины я пишу как выстрелы, как фейерверк. Наверное, хотелось дать залп в его честь.

Вы его почувствовали сразу?

Ну, можно было бы подумать год-другой. Но хотелось сделать ему сюрприз. И потом я прочитала книги о нём, которые Вы мне любезно подарили. Мне это было интересно. Да я и раньше знала о нём, поскольку посещала выставки, посвящённые его собранию.

Этот человек для меня – человек государственный. Потому что у него мышление государственное.

А затем он и светский человек – в самом положительном смысле слова, который хранит традиции и выглядит в соответствии с ними.

Мне хотелось показать, что он имеет прямое отношение к Москве – к моему любимому городу, потому что я здесь родилась, живу и работаю. Поэтому я на картине изобразила усадьбу Лобановых-Ростовских на Мясницкой. Может быть, она и не так долго принадлежала его семье, зато потом там были Рисовальные классы, из которых родилась Строгановка. А я училась в Строгановке. В здании сейчас находятся меценаты – правда, другие. А Лобанов для меня – меценат, потому что он подарил такое количество художественных произведений России. И ему не безразлично то, что здесь происходит.

Когда Кремль был белым

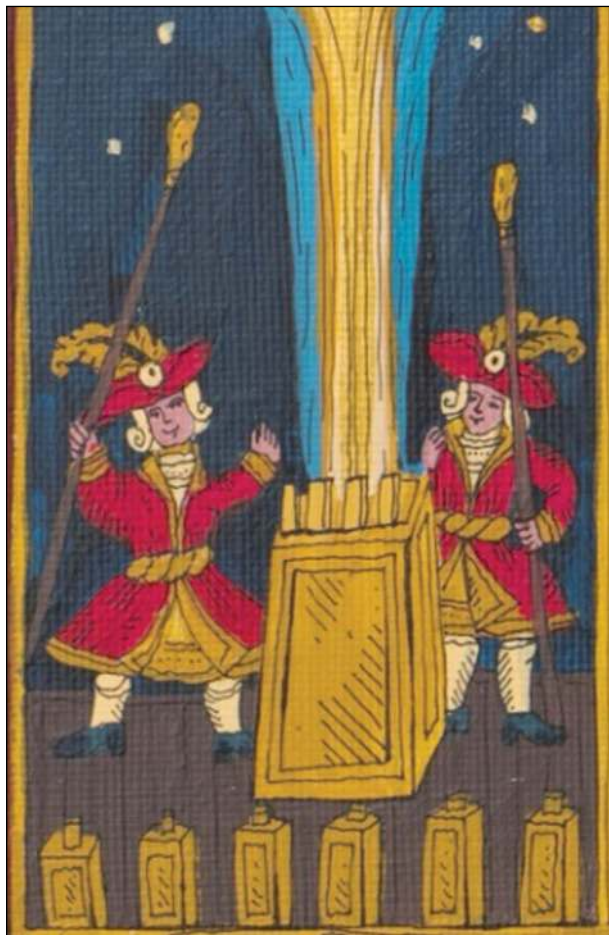
Понятно, что текст, обрамляющий картину и присутствующий в клеймах, включает главную информацию об этой личности. И то, что для Никиты Дмитриевича важно в себе самом. А это: предки, историческое прошлое славной семьи, его профессия, его коллекционерство, его общественная позиция, его меценатство. Понятно, что горностаевая мантия – отсылка к царскому княжескому роду Рюриковичей.

А как Вы трактуете Кремль над его головой?

она понашивала! И на картине она стоит в императорском платье, с портретом Петра I, которого очень любила. И есть на картине платье мундирное, в котором она была с военными в период переворота, приведшего её к власти. И окружают её образ различные красивые платья, с кружевами, со всякими украшениями. Потому такое название – хотелось сделать акцент именно на этом.

Нужно беречь наши традиции

Моё мнение – нужно беречь и восстанавливать наши древние традиции, собирать по частям и бережно передавать следующим поколениям. Некоторые традиции или очень упрощены, или представлены с дурным вкусом. Русь – это совсем не матрёшки, на Руси их и не было.



*Чествование Н.Д. Лобанова-Ростовского.
Фрагмент. Герб, Клеймо*

Чествование Н.Д. Лобанова-Ростовского. Фрагмент. Бомбардиры

Кремль – белый. Это важно. Старый Кремль. Мне хотелось показать древность его рода, потому я поместила над его головой герб. И Кремль не такой, как сейчас, ибо отношу рассказ об этом человеке к очень давним временам. Мне хотелось показать, что Никита Дмитриевич имеет отношение к Москве не меньшее, чем к Петербургу. У меня несколько ревностное к этому отношение. Я знаю, как ему нравится «Дом со львами» в Питере. Но мне захотелось сказать ему в картине, что мы и в Москве его любим, и по-московски.

Да, и в правой руке он держит царский жезл с двуглавым орлом – тоже отсылка к его происхождению.

Внизу картины фрагмент герба – олень – более древнего времени?

Это ростовский герб.

А вот почему он в одеждах эпохи Петра?

Конечно, это стилизация времени, близкого к тому. В картине несколько эпох. Мне хотелось передать своё ощущение от Никиты Дмитриевича, от того, как бы он выглядел в XVIII веке. Я посмотрела его портреты, написанные другими художниками. Он сидит, в элегантном костюме. Весьма галантный. А галантные молодцы в XVIII веке выглядели по-другому. Это я и хотела изобразить. А так как я сейчас этим временем увлечена, то хотелось показать фейерверки.

Что означают маленькие человечки в кафтанах?



Ресторан начала XX века

Это бомбардиры, фейерверкеры. Они Лобанову-Ростовскому отвечают салютом. Фейерверки в честь Никиты Дмитриевича.

Мне хотелось ещё и шляпу написать. Но потом я от этой идеи отказалась: потому что это уже бытовые перечисления. Тогда надо было бы и пуговицы прописать. А мне хотелось подчеркнуть обобщенный образ.

Картина открывает новый цикл – Персона

К какой своей теме отнесли картину, в какой ряд поставите на своём сайте?

Я её назвала «Чествование Князя». Это салют в честь его существования, в честь его деятельности. Это ему от меня – восторг. Наверное, я открою новый цикл и назову его «Персоны». Поскольку он личность. Любит искусство. Собирал

театрально-декорационное искусство. А мне это всегда было очень интересно, важно и близко.

А Вы до него писали когда-нибудь современного человека, не историческую личность? Мне понравилось, что в нашей беседе ключевое слово «Я люблю». И Вы пишете то, что любите. Но обращая взоры в прошлое.

Я писала портреты друзей и родных. Но не так много. Иногда я в шутку у исторического персонажа делаю портретное сходство с моим другом, который вписан в картину и которого можно узнать. Он может не занимать основное место в картине, но выразительное.

Например, есть у меня картина «Ресторан начала XX века». И лица половых – это лицо моего однокурсника в разных ракурсах. Стоит у каждого столика, встречает и провожает гостей. Шуточный элемент в картине.

В лубке, который называется ещё «потешные картинки», тут это свойство лубка – юмор – полностью разворачивается...

Сходство и стилистика

Как Вы оцениваете сходство Никиты Дмитриевича на портрете? Притом что я понимаю: оно обобщено, стилизовано, не может быть другим в данном жанре.

Я пыталась добиться большего сходства. И даже сделала глаза голубыми. Но тогда портрет вдруг ожил, а потому стал выпадать из стилистики работы. Когда я это почувствовала, то вновь сделала портрет более графическим. Я считаю, что здесь большое сходство необязательно. Портретист – другой жанр. А я пишу «потешные листы». И они для радости и «Не для чего чего иного,

– Как прочего другого». Такая «потешная» скороговорка, игра слов могла быть написана в лубочном листе.

Птица Сири́н на ладони

Что означает птица Сири́н на его ладони? Ведь это амбивалентный древнерусский символ. Она ведь и райская птица, и птица печали.

Так как его семья прожила непростую жизнь – и в его книгах я об этом много читала – отношение к нему и осмысление его судьбы привело меня к мысли, что мне хочется посадить Никите Дмитриевичу на ладонь Птицу Счастья. Чтобы показать и себе самой объяснить, что такие люди просто так не приходят в этот мир.

Смотря на жизненные перипетии, ударившие по его семье и многим другим, которые родились в России в те тяжёлые времена, понимаешь, что Птица Счастья русским людям необходима.

И в то же время, когда Птица Сириин прилетает и начинает петь – это печальное пение может довести до того, что человек переступает порог жизни. И в неё палят из пушек, чтобы заставить замолчать. И эта сторона Птицы Сириин – в память о трагической судьбе родных Никиты Дмитриевича.

Но моя Птица – мирная. Она не поёт. Здесь она несёт счастье. Птица сложный символ. Она высвечивает понятие «человек, русский душой». Иметь на руке Птицу Счастья, которая может петь о трагическом, – это избранность.



*Чествование Н.Д. Лобанова-Ростовского.
Фрагмент. Птица Сириин*

Отголосок народной живописи – народному князю

Это наше наследие. Репрессии были, и от этого никуда не деться. Так же, как Великая Отечественная война коснулась всех и каждого.

Я даже не понимаю, за что мы платили? – За всё. Люди веками собирали свои дома, свои фамилии, передавали своим детям. И произошёл взрыв. Традиции потеряны. Всё разрушено. Вдруг? И вдруг, и нет. Трагедия не в том, что пришли и отобрали нажитое, а в том, что люди в то время почему-то не смогли жить по-старому. Я не историк, но ощущение у меня такое: эти испытания, потеря родины и имущества для многих были обусловлены причинами, тянущимися из глубины веков. А в то же время именно эмигранты сохранили чувство утраченной родины. Жить с подобными традициями в душе непросто, но очень здорово. Никита Дмитриевич смог их пронести через всю жизнь и одарить Россию многими дарами. Мне хотелось показать этой Птицей Счастья, которую я ему желаю, – именно отголосок народной живописи – народному князю.

Её лицо кого-то должно напоминать?

Мне казалось, что Птица Сириин должна была симпатичной... Не было желания изобразить сходство с кем-то ему близким. Здесь другое, более исконное, мифологическое – в прямом смысле слова.